

ЗАДАЧА И ЦЕЛЬ ДУХОВНОЙ НАУКИ И ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Вена, 6 апреля 1914

Сторонникам того духовнонаучного мировоззрения, о котором я позволю себе говорить в этом и последующем докладе, придётся однажды столкнуться со своеобразным, свойственным развитию человечества противоречием - любое духовное течение или духовный импульс, который с высшей точки зрения может быть крайне своевременным, тем не менее сначала решительно отвергается современниками, отвергается, как это ни странно, по совершенно понятным причинам. Безусловно своевременным был импульс к новому воззрению на мировое пространство, который Коперник дал на заре нового времени; несомненно своевременным был этот импульс именно в это время с точки зрения его необходимости для развития человечества. Но ещё долго этот импульс считался несвоевременным, поскольку против него объединились те, кто придерживался прежних привычек мышления и предрассудков столетней и тысячелетней давности. С точки зрения сторонников духовного знания это духовно-научное мировоззрение кажется своевременным, а несвоевременно оно с той точки зрения, с которой о нём ещё долго будут судить многие наши современники. Тем не менее, в этих двух докладах я надеюсь показать, что в подсознательных душевных глубинах современного человечества возникло и живёт нечто подобное тоске по этому духовнонаучному мировоззрению, нечто подобное надежде на это мировоззрение.

Эта духовная наука, о которой сейчас идёт речь, хочет быть истинной преемницей естественнонаучной духовной работы, которая была проделана в последние столетия. И было бы грубой ошибкой полагать, что духовная наука враждебно относится к великому триумфу, бесчисленным достижениям и всеобъемлющим истинам, которых добилось естественнонаучное мышление в течение последних столетий. Напротив, эта духовная наука хочет стать для познания духовного мира тем, чем было и есть естествознание для познания мира внешнего. Поэтому её можно считать плодом естественнонаучного образа мыслей, хотя в широких кругах это пока подвергается сомнению.

Чтобы получить об этом некоторое представление, не доказательство, но сначала некоторое представление, которое приведёт к взаимопониманию, пусть об отношении духовного знания к естественнонаучному мировоззрению будет сказано следующее: окидывая взором великое, грандиозное развитие естественнонаучного познания за последние три-четыре столетия, мы видим, что, с одной стороны, его всеобъемлющие истины привели к расширению границ человеческого опыта, а с другой - это познание влилось в практическую жизнь. Повсюду: в области техники, коммерции, - мы видим результаты излитых в жизненную практику законов и познаний естествознания. И чтобы получить теперь некоторое представление об отношении духовной науки к прогрессу, обратимся к сравнению. Посмотрим на крестьянина, который засеивает поле и собирает с него урожай. Большая часть этого урожая используется для питания людей. Остается лишь незначительная часть, которая используется для нового сева. И лишь о ней можно сказать, что она следует внутренним, побуждающим и жизнеобразующим силам, которые сокрыты в восходящем зерне, в прорастающем семени. То, что перевозится в зернохранилища, устраняется от своего, обусловленного собственными, формирующими законами развития и, направляясь как бы в побочное течение, не развивает естественным образом сокрытые в семени собственные побуждающие силы, но используется для питания людей.

Примерно так же относится духовная наука к плодам познания, взращённым естествознанием в ходе последних столетий. Большая их часть по праву была использована для исследования внешних, чувственно-пространственных фактов, для человеческих нужд. Но от идей, которые в последних столетиях привели к рассмотрению природы, в человеческой душе могло остаться нечто такое, что не было использовано для постижения того или иного в чувственном, внешнем мире, например, для строительства машин и развития индустрии, но подобно тому зерну, которое опять используется для посева и следует своим формирующим силам,

сохранило полноту жизни и внутреннюю направленность. И когда человек проникается тем, что созрело в удивительных плодах познания естественных наук, позволяя жить этому в своей душе, тогда в нём возникает вопрос: как осветить и познать душевную жизнь в понятиях и идеях естествознания, как жить с этими идеями и постигать с их помощью истоки основных движущих сил души? Когда человеческая душа чувствует это и, обладая сокровищами духа, ставит эти вопросы не теоретически, но из глубин душевной жизни, тогда появляется то, что может перейти в человеческую культуру только в нашу эпоху, после того как естествознание некоторое время варилось, как говорится, в собственном соку.

Эту духовную науку можно назвать плодом естественнонаучного образа мыслей и в другом смысле, только дух должен исследоваться иначе, чем природа. Если хотят противостоять духу на такой же достоверной, методической, естественнонаучной основе, на которой противостоит природе естествознание, то должны преобразовать естественнонаучное мышление и придать ему соответствующую форму, чтобы оно стало пригодным для познания духа орудием. О некоторых возможностях этого и будет сказано в этих докладах. Как раз когда довольно твердо стоят на почве естествознания, понимают, что теми средствами, которыми оно работает, невозможно достигнуть духовного познания. Просвещенные умы, исходя из достоверных основ естествознания, всегда говорили о границах познавательных сил человека, о которых ему не следует забывать. Естествознание и кантианство способствовали появлению веры в ограниченность познавательных сил человеческого духа, в неспособность человека проникнуть своим знанием в ту область, где находится источник, с которым чувствует связанной себя душа; человеку следует осознать, что эта область недоступна не только связанным с естествознанием силам, но и любым другим. Здесь духовное знание оставляет последнее слово за естествознанием. Именно те познавательные способности, которые создали великое естествознание и на которые оно опирается, не обладают возможностью проникнуть в эту духовную область.

Но в человеческой душе дремлют другие познавательные способности, такие познавательные способности, которые не могут применяться в повседневном обиходе обычной науки, но могут быть извлечены из человеческой души; которые, если они вызваны, извлечены из её глубочайших подоснов, преобразуют человека: они пронизывают его силами нового способа познания, такого познания, которое может проникнуть в недоступную обычному естествознанию область. Это можно назвать - я не придаю этому выражению особого значения, но оно проясняет суть дела - духовной химией. С её помощью можно проникнуть в духовную область бытия, но её сходство с обычной химией ограничивается только безупречной логикой и методичностью мышления: это химия самой душевной жизни. Чтобы понять это, обратимся к сравнению: возьмём воду, она обладает определенными свойствами. Химик показывает, что в этой воде содержится кислород и водород. Возьмем кислород: он горит, он газообразен, он совершенно иной, чем вода. Можно ли, не имея ни малейшего представления о химии, предполагать, что в воде содержится кислород? Вода текуча, не горит, гасит огонь. Кислород горит, газообразен. Иными словами: можно ли, рассматривая воду, предполагать, что в ней содержится кислород? Тем не менее химик отделяет кислород от воды. С водой можно сравнить обычного человека, с которым и имеет дело обычная наука. В нём соединяются физически-телесное и духовно-душевное. Внешняя наука и основанные на ней мировоззрения полностью правы, когда утверждают: да, в этом человеке, с которым мы имеем дело, невозможно обнаружить духовно-душевное. И такое категорическое отрицание каким-либо мировоззрением этого духовно-духовного вполне понятно. Но, с другой стороны, с таким же успехом можно отрицать и наличие кислорода в воде.

Разумеется, необходимо привести доказательства, что при духовно-духовной химии духовно-душевное действительно может быть отделено от человеческого существа, обособлено от физически-телесного. Такие доказательства возможны. Духовное знание говорит сегодня человечеству о наличии такой духовно-душевной химии, как Коперник сказал когда-то изумленному человечеству, что не Земля, движущаяся с невероятной скоростью вокруг Солнца, а само Солнце покоится неподвижно. И как ещё вплоть до 19 столетия труды Коперника находились под

запретом, так в некотором отношении и познания духовной науки еще долго будут находиться под запретом других мировоззрений, тех мировоззрений, которые не могут отказаться от предубеждений и привычек мышления столетней давности. И у нас есть одно небольшое доказательство, что эта духовная наука до определенной степени уже может охватить сердца и души, что она созвучна стремлениям нашей эпохи. Я не буду его расхваливать, но как о свидетельстве сокрытого в душах чувства своевременности духовного знания упомянуть о нём стоит. Мы сегодня уже строим на свободной швейцарской земле Свободную Высшую Школу духовной науки. Благодаря пониманию и сочувствию наших друзей, мы можем видеть это свидетельство в двух купольном круглом здании, которое на дорнахском холме, под Базелем, будет возвышаться как первое внешнее указание на то, что духовная наука должна внести в современную культуру. Уже само воздвижение этого здания, формами своих куполов возвышающегося над круглой основой, позволяет нам с ещё большей надеждой и внутренним удовлетворением говорить о духовной науке, несмотря на враждебность и непонимание, которые встречаются и будут ещё встречать её в широких кругах.

То, что я назвал духовной химией, разумеется, не может быть достигнуто внешними средствами и внешними действиями, которые доступны обычным восприятиям. Процессы этой "духовной химии" происходят в самой человеческой душе и носят исключительно внутренний душевно-духовный характер. Они не оставляют душу такой, какой она бывает в повседневной жизни, но преобразуют и делают её совершенно другим орудием познания, чем прежде. И эти процессы "духовной химии" не протекают где-то в потусторонней или сверхъестественной области, но носят исключительно внутренний, духовно-душевный характер. Они основаны на тех же самых, свойственных всем силам души, которые используются в повседневной жизни, но используются не в полной мере и должны безмерно возрасти, безгранично окрепнуть, если человек действительно хочет познать духовное.

Одну из сил, которая меньше всего задействована в душевной жизни и должна безмерно возрасти, мы называем вниманием. Что такое внимание? Мы не позволяем потоку бытия протекать перед нашей душой так, как он протекает сам по себе, но прилагаем внутренние усилия, чтобы направить духовный взор на то или иное. Мы выхватываем отдельные вещи, ставим их в поле зрения нашего сознания и концентрируем на них душевные силы. И вся наша душевная жизнь, которая требует активности, сильной активности даже в быту, существует лишь благодаря проявлению интереса, который извлекает отдельные события, факты и существа из протекающего потока бытия. Это внимание совершенно необходимо в обычной жизни. Если духовная наука лишь немного проникнет в души, то со временем поймут, что вопрос памяти есть лишь вопрос внимания, и с этой точки зрения будут рассматривать все вопросы воспитания. Другими словами: чем больше человеческая душа в раннем и даже в позднем возрасте развивает внимание, тем больше укрепляется память. При этом не только лучше воспринимаются вещи, на которые направлено внимание, но чем оно больше, тем больше возрастает наша память, тем интенсивнее она развивается. Кто не слышал о том печальном явлении, которое можно назвать прерывностью сознания. Некоторые люди не могут окинуть взором своё прошлое, они не знают что пережили, не помнят, присутствовало ли их Я при тех или иных событиях. Утратив связь своих душевных переживаний, они часто оставляют свой дом, уходят из дома без памяти и разума и странствуют по миру, как бы потеряв своё Я; и только спустя годы они вновь могут обрести и присоединить своё Я к тому, что уже пережили. Эти явления никогда не привели бы к печальным последствиям, к которым часто приводят, если бы знали, что и эта непрерывность, это единство сознания зависят от правильного развития внимания.

Таким образом, даже в обычной жизни крайне необходима деятельность внимания. Духоиспытатель, опираясь на неё, должен развить её до особой, внутренней душевной силы и довести до медитации и концентрации. Это технические выражения для подобных вещей. И как в обычной жизни мы, побуждаемые самой жизнью, направляем внимание на тот или иной предмет, так и духоиспытатель, следуя внутренней душевной методике, направляет все

душевные силы на какое-нибудь представление, образ, ощущение, волевой импульс или душевное настроение, которые он может обозреть, ясно ставить перед своей душой и концентрировать на этом все свои душевные силы, устранив при этом направленную на внешнее деятельность чувств и приведя к состоянию покоя все мысли и волнения, все заботы и аффекты жизни, как бывает только при глубоком сне. По отношению к обычной жизни он как бы погружается в глубокий сон, но не теряет при этом сознание, а сохраняет его полностью бодрствующим. И все силы души, которые прежде рассеивались во внешних переживаниях, в заботах и волнениях бытия, концентрируются на одном, поставленном произвольно в центр душевной жизни представлении, ощущении или чём-то другом. Благодаря этому душевные силы уплотняются, и то, что прежде лишь дремало, лишь действовало в жизни как бы между её строк, выжимается и извлекается из человеческой души. И благодаря этому внутреннему укреплению человеческой души в концентрированной деятельности, в непомерном возрастании внимания, эта душа учится переживать себя в себе, обретая способность сознательно освобождаться от физически-чувственного тела, как кислород с помощью химического метода извлекается из воды.

Разумеется, эта внутренняя, душевная переработка длится годами, если духоиспытатель, упражняясь в таком внимании и концентрации, желает развить в своей душе способность освобождаться от тела. Но затем наступает время, когда он может понять значение слов, которые совершенно чужды представлениям современного мира и кажутся ему фантастическими: я переживаю себя как душевно-духовное существо вне моего тела и знаю, что это тело находится вне моей души, как, скажем, стол находится вне моего тела. Я знаю, что душа, укрепившись внутренне, может пережить себя как душевно-духовное существо, когда тело со всей его судьбой, которая уготована ему во внешнем мире, находится перед ней как чуждый объект. Человек со всей своей обычной жизнью становится полностью внешним существом, а его душевно-духовная сущность переживает себя отдельно от своего тела, и эта душевно-духовная сущность проявляет теперь совершенно другие свойства, чем тогда, когда она соединена с телом и пользуется связанным с мозгом рассудком.

Сначала от физических переживаний освобождается сила мысли. Так как я не желаю говорить отвлеченно, но хотел бы сказать о действительных фактах, то не удивляйтесь тому, что я откровенно и непредвзято опишу то, что сегодня кажется еще таким неожиданным. Когда духоиспытатель начинает понимать значение слов: ты теперь живешь в своей душе и знаешь, что она реальное духовное существо, в котором ты, находясь вне своих чувств и мозга, переживаешь себя, - тогда он чувствует, что его мысли живут как бы вне его мозга, окружая и обволакивая его голову. Он, разумеется, знает, что, находясь пока между рождением и смертью в физическом теле, постоянно должен в него возвращаться; он может ясно осознать момент, когда, пережив чисто духовно-душевное, опять возвращается со своими мыслями в свой мозг. Он переживает, как этот мозг оказывает сопротивление, чувствует, что он словно погружается в волны прежних, чисто духовных жизней, а затем проскальзывает в свой физический мозг, который теперь в своей деятельности опять следует тому, что совершает духовно-душевное. Это переживание вне тела и это повторное погружение в тело принадлежат к наиболее потрясающим переживаниям духовного исследователя.

Но это чистое, в себе себя переживающее и протекающее вне мозга мышление существенно отличается от обычного. Обычные мысли тенеподобны по сравнению с теми, которые отныне возникают перед духоиспытателем как новый мир, когда он находится вне тела. Эти мысли пропитаны внутренней образностью. Поэтому мы называем имагинациями то, что предстаёт здесь перед духовным взором, - не потому, что считаем их чем-то фантастическим или надуманным, но потому, что воспринятое здесь действительно переживается образно, имагинируется; и эти имагинации возникают в результате погружения в саму вещь и переживания вещей и процессов духовного мира, которые в имагинациях предстают перед душой. Таким образом, мышление может отделиться от физически-чувственного бытия, и духоиспытатель может познавать мир духовных процессов и существ.

Но и другая сила человека может быть освобождена от телесно-физического. Когда освобождается мышление, духоиспытатель сначала переживает самого себя в своём чисто духовно-душевном существе, но его переживания вещей и процессов в духовном мире существенно отличаются от обычных восприятий. При обычном восприятии вещи находятся там, а сам воспринимающий - здесь: они противостоят друг другу. Но всё меняется в то мгновение, когда при духовно-душевном переживании находят вокруг себя духовный мир, который действительно возникает с такой же необходимостью, как вокруг слепорожденного после операции возникают свет и краски. Духовный мир переживается совсем не так, как мир внешний. При этих переживаниях не противопоставляют себя явлениям и существам духовного мира, но погружаются в них всем своим существом. Тогда чувствуют: ты воспринимаешь вещи и существа, изливаясь в них своим существом, и то, что в них происходит, повторяется в образах, которые ты созерцаешь. Чувствуют, что все восприятия являются подобием. Осознают себя в постоянной деятельности. Поэтому это появление мира имажинативных мыслей можно назвать духовной мимикой, духовной пантомимой. Своим душевно-духовным вырываются из телесного, и это душевно-духовное находится в постоянной деятельности и погружается в процессы духовного мира, подражая тому, что живёт в них как их собственная сила; и при этом погружении переживается такая связь с бытием, как если бы кто-то мог отгадать, что переживает стоящий перед ним человек, и своей внутренней мимикой мог бы выразить скорбь, если другой скорбит, или радость, если другой радуется. Так, сопереживая духовно-душевно переживания других, сами становятся их выражением. Выражая в духовной мимике саму сущность вещи, побуждаются к активному восприятию. Духовное исследование ставит перед человеческой душой совсем иные требования, чем внешнее,, которое воспринимает вещи пассивно; оно требует внутренней подвижности души, чтобы она, погружаясь в вещи и существа, становилась выражением того, что они ей предлагают.

И как сила мысли с помощью духовной химии может быть отделена в качестве духовно-душевного от физически-телесного, так и другая сила, которую человек обычно использует только в теле и которая изливается в тело, может быть отделена от него. Как бы удивительно ни звучало, но эта другая сила есть сила речи, та сила, которую мы обычно используем в речи.

Что происходит, когда мы говорим? Наши мысли живут в нас, они передают колебания мозгу, который, будучи связан с речевым аппаратом, приводит мускулы в движение; наши внутренние переживания изливаются в слова и живут в них. Можно было бы не говорить этого, но с точки зрения духовного знания всё же следует сказать, что посредством речи мы изливаем в телесно-физические органы наше душевное содержание. Благодаря тому, что человек повышает внимание и добавляет ещё нечто иное, - опять же такую деятельность, которая "обычно уже существует, но должна лишь безмерно укрепиться, - наступает освобождение силы речи от физически-чувственного тела. И эта сила есть самоотверженность.

Мы имеем с ней дело тогда, когда испытываем религиозные чувства или в любви отдаёмся тому или иному существу, когда, погружаясь в исследование, прослеживаем вещи и их законы, когда забываем себя со всеми нашими чувствами, ощущениями и мыслями. Нам знакома эта самоотверженность. Собственно она протекает лишь между строк обычной жизни. Духоиспытатель должен повысить эту силу до бесконечности, должен безгранично укрепить ее. Он должен буквально отдаться потоку бытия, как отдаётся этому потоку - не делая ничего для этого - только в глубоком сне, когда успокаивается активность его членов, умолкают чувства, а он только отдаётся и ничего не делает, но тогда он впадает в бессознательность сна. Но если человек, упражняя посредством осознанного внутреннего усилия свою душу, постоянно подавляет деятельность чувств и активность тела, приводит свое физически-чувственное тело в состояние, в котором оно бывает только в глубоком сне, но остается при этом бодрствующим, полностью сохраняет своё внутреннее сознание ясным и развивает чувства и ощущения, вливаясь при этом в поток бытия и не желая ничего, кроме единства с миром, если он постоянно будет вызывать это чувство, но вызывать его отдельно от внимания, тогда душа всё больше и больше укрепляется.

Теперь оба упражнения - с вниманием и самоотверженностью - следует разделить, ибо одно противоречит другому. Если внимание требует наивысшего напряжения, концентрации на объекте, углублённой медитации, то самоотверженность, пассивная отдача потоку бытия, требует безмерного повышения тех чувств, которые мы находим в религиозных переживаниях или в отдаче любимому существу. В результате такого безмерного возрастания преданности и внимания человек отделяет духовно-душевную жизнь от физически-телесного. И, таким образом, сила, которая прежде изливалась в слово, деятельность которой не оставалась в самой себе, но приводила нервы в движение, - эта сила может быть отделена от внешней деятельности речи и в душевно-духовном может быть предоставлена самой себе. Здесь сила речи, - можно назвать ее так - отделяется от чувственно-физического, и человек переживает то, что, выражаясь словами Гете, можно нажать духовным слухом или духовным слышанием.

Человек опять переживает себя вне своего тела, но теперь он погружается в вещи и воспринимает внутреннюю суть вещей, отражая это в себе самом не только как мимику, но и как внутренний жест, как внутреннюю жестикуляцию. Освободившееся от тела духовно-душевное действует так, словно мы посредством нашей предрасположенности к подражанию пытались бы выразить в жестах то, что нас занимает. То, что делается обычно лишь в силу особой предрасположенности, делается теперь освободившейся от тела душой, чтобы воспринимать. Она погружается в вещи и активно подражает действующим в них силам. Все эти восприятия в духовном мире являются со-участием, и воспринимают сами в-чти, воспринимая деятельность, которой отдаются при подражании внутренней жизни вещей. Во внешнем, чувственном мире слух пассивен, мы прислушиваемся. В духовном мире речь и слух сливаются. Мы погружаемся в сущность вещи и слышим ее внутреннюю жизнь. Духоиспытатель действительно может услышать то, что Пифагор называл музыкой сфер. Он погружается в вещи и существа духовного мира и слышит их, но слышит, высказывая. При погружении в сущность вещи переживают говорящее слышание и слышащую речь. Следовательно, достигают инспирации.

И если духоиспытатель развивает возросшее внимание и самоотверженность дальше, то приходят к третьему роду внутренних переживаний, к третьему роду внутренней деятельности. И этот опыт, который он переживает вне своего тела, я мог бы описать следующим образом.

Рассмотрим ребенка. Своеобразие человека, - не имея возможности говорить об этом подробнее, я укажу лишь на то, что имеет значение для этих докладов, - своеобразие подрастающего человека состоит в том, что свое положение в Пространстве, тот род и образ, которым он ставит себя в пространстве, ему приходится по мере роста вырабатывать самому. Человек рождается, не умея ни ходить, ни стоять, пользуясь вначале, как говорится, четырьмя конечностями. Затем он развивает внутренние силы прямостояния, благодаря которым в человеке развивается то, значение чего чувствовали многие глубокие умы, выражая это так: благодаря своему вертикальному положению человек может обратить взор в мировое пространство, не ограничивая его только земным. Суть в том, что человек посредством внутренних сил, посредством внутреннего укрепления и переживаний развивается из своего беспомощного горизонтального существования к жизни в вертикальном положении. Естествоиспытателям еще предстоит узнать, что во внутренней деятельности человека имеются совершенно другие силы, чем силы наследственности, которые дают животному ориентацию в мире. Силы, которые влекут животного так или иначе к вертикали, действуют в нём по-другому, чем в человеке, в котором внутренняя сумма сил вырывает его из беспомощного положения, открывая ему то направление пространства, благодаря которому он и становится в истинном смысле слова человеком Земли. Эти силы действуют в основном скрыто. К ним приходят лишь тогда, когда уже немного углубились в духовную науку, они представляют собой целую систему или совокупность сил. Они не были полностью израсходованы в детском возрасте, когда человек учился стоять и ходить. Силы этого рода еще дремлют в человеке, оставаясь неиспользованными в жизни чувств и внешнего знания.

Благодаря упражнениям в повышении внимания и преданности, человек осознает в душе силы, поставившие его на ноги в детстве. Он осознает более духовные выпрямляющие силы, более духовные движущие силы - и в результате к внутренней мимике и выразительности, к внутренней пантомиме и пластичности жестов он присоединяет и внутреннюю физиогномику своего духовно-душевного. Когда духовно-душевное таким образом освобождается из физически-телесного, и человек, как духоиспытатель, начинает постигать смысл слов: ты переживаешь себя в духовно-душевном, - тогда он осознает силы, которые выпрямили и поставили его как физически-чувственное существо на Земле вертикально. Теперь он применяет эти силы исключительно в духовно-душевном, и благодаря этому может применить их в жизни иначе, чем обычно; ему удаётся дать этим силам иное направление, создать из самого себя иной образ, чем он создал в физических переживаниях в период своего детства. Теперь он может развивать внутреннюю подвижность, может приспособляться ко всем направлениям и дать своему духовному другую физиогномику, чем земной человек; может погружаться в другие духовные процессы и существа, может соединяться с силами, которые раньше сделали его из ползающего ребенка прямоходящим человеком, и преобразовывать их во внутреннюю суть духовных вещей и существ, уподобляясь этим вещам и существам и воспринимая и выражая их как самого себя. Это и есть истинная интуиция. Ибо действительное восприятие духовных существ и процессов является погружением в них, является принятием их собственной физиогномики. Если происходящие в существе процессы переживают посредством внутренней мимики, если подвижность духовного существа переживается благодаря подражанию его жестам, то теперь, преобразуя себя в вещи и процессы, могут принимать собственный облик духовного, могут воспринимать его, становясь им сами.

Я не буду описывать вам в отвлеченных философских выражениях, как духоиспытатель вживается в духовный мир, но с максимальной конкретностью опишу, как это духовно-душевное переживание освобождается от телесности, от физически-чувственного восприятия и погружается в духовный мир, уподобляясь ему в активном восприятии. Ясно, что каждый шаг в духовный мир должен сопровождаться активностью; при каждом шаге мы должны знать, что вещи не открывают нам своей сущности, но мы узнаём о вещах и процессах духовного мира лишь то, что в состоянии скопировать и повторить, оставаясь активно воспринимающими. Главное отличие духовного познания от обычного, внешнего познания заключается в том, что внешнее познание пассивно отдается вещам, а духовное должно жить в постоянной активности, человек должен стать тем, что он хочет воспринять.

Сегодня пока, а можно даже сказать сегодня уже опять кому-то прощаются отвлечённые разговоры о духовном мире. С этим люди пока мирятся. Сегодня кажется невероятным утверждение, что человек может отрешиться от всего, что видит и слышит, от всех чувственных восприятий и мыслей, связанных с нервами и мозгом, а когда исчезнут все его переживания в физическом мире, может воспринимать совершенно новый реальный мир и познавать в нём процессы и сущности чисто духовного рода, как здесь, в физическом мире, воспринимает и познаёт процессы и существа физического рода. Духовная наука говорит не о туманном пантеизме, не об общем соусе духовной жизни. Если говорить только о фантастических духовных существах, то по отношению к духовной науке это звучало бы так: я поведу тебя на луг, где произрастает нечто, что является природой; затем я поведу тебя в лабораторию и скажу: это есть природа, все это - природа! Все цветы и жучки, деревья и кустарник, все химические и физические процессы: всё это - природа! - Никому не понравилась бы подобная все-природа, ибо, как известно, лучше всего можно справиться с делом, лишь проследив частности. Как внешняя наука не говорит о все-природе, так и духовная наука не говорит о всеобщем духовном соусе; она говорит о действительно воспринимаемых конкретных духовных процессах и существах. Она, не опасаясь бросить вызов эпохе, утверждает: когда мы находимся в физическом мире, то видим вокруг себя сначала людей, как физических существ, среди других иерархий физических существ - минералов, растений и животных, - которые исчезают с нашего духовного

горизонта, когда мы вживаемся в духовный мир, в котором возникают духовные царства, духовные иерархии: сначала существа, которые подобны человеку, затем существа, которые находятся выше человека; и как от человека в физическом мире вниз идут животные, растения и минералы, так от человека в высшие царства бытия поднимаются существа и творения, индивидуальные духовные существа и творения.

Как человеческая душа вступает в духовный мир, какова её жизнь в этом духовном мире согласно духовному исследованию, как она живёт в этом мире, когда, пройдя врата смерти, слагает физическое тело и достигает чисто духовного бытия, - об этом будет сказано в следующем докладе. В нём пойдёт речь об отдельных познаниях духовной науки относительно этой жизни после смерти.

Метод духовной науки, который она уже разработала, -запомните это - очень существенно отличается от того, с чем наши современники ещё могут согласиться, следуя выработанным в ходе столетий привычкам мышления, которые сопротивляются этой духовной науке так же, как привычки мышления прошлых столетий сопротивлялись воззрению Коперника. Но как с точки зрения духовной науки следует рассматривать эти поиски времени, чтобы правильно понять их и правильно к ним отнестись?

Первое возражение, которое наше время может легко выдвинуть, сводится к следующему: духоиспытатель утверждает, что душе сначала следует развить особые силы, чтобы ей стал доступен духовный мир. Кто ещё не развил эти силы, не довёл их до создания духовных образов, до отделения мыслей, до отделения сил речи, до отделения выпрямляющих в пространстве существо сил, тому, следовательно, духовный мир не доступен! - Это возражение можно было бы сравнить с другим: кто не может писать картины, тому они недоступны. Это было бы плохо.

Писать картины может лишь тот, кто этому научился. Но было бы печально, если бы чувствовать и понимать картины могли лишь их творцы. Создать их может, разумеется, лишь художник, но если картина находится перед человеком, тогда человеческая душа в соответствии со своими естественными силами может понять эту картину, даже если она не в состоянии ее создать.

Человеческая душа обладает внутренним языком, который связывает ее с живым искусством. Так и в отношении духовного знания. Обнаружить факты, процессы и существа духовного мира и описать их, может только сам духоиспытатель; но если духоиспытатель пытается - как, например, это было показано сегодня в отношении духовнонаучного метода, - облечь в обычные мысли и идеи результаты своих духовных исследований, тогда каждая душа поймёт это, даже если духовный мир ей недоступен. Это будет понято каждой душой, если только она откажется от всего, что пришло из современного образования, - из образования, которое, как полагают, будто бы опирается на незыблемую основу естествознания,но которое в действительности совсем не опирается на эту основу. Если душа откажется от всех предрассудков, если она непредвзято, как при рассмотрении картины, отдастся тому, что сообщает ей духовный исследователь,то результаты духовного исследования могут быть поняты каждой душой. Человеческие души предрасположены к истине и к чувству истины, а не к чувству неправдивости или несправедливости, им нужно лишь избавиться от скопившегося мусора предрассудков. Глубинам человеческой души известен тайный, интимный язык, с помощью которого каждый на любой ступени образования и развития может понять духоиспытателя, если только пожелает.

Именно это и находит исследователь духа в поисках нашего времени. В прошлом люди полагали, что знание о духовном мире могут дать только представления веры; ещё недавно эти души полагали, что достоверное знание может основываться только на внешних фактах; в наше время души знают то, - но только не своим, если так можно выразиться, верхним сознанием, в котором ещё нет того, что они могут уяснить себе в понятиях, представлениях и чувствах - что ясно духоиспытателю: мы живём в такое время, когда в глубинах человеческой души, в тех глубинах, о которых сама душа знает ещё так мало, зреет тоска по духовной науке, надежда на неё. Со временем поймут, что старые предрассудки должны исчезнуть. Очень многие осознают это главным образом в отношении

мышления. Еще сегодня многие - именно те, кто полагает, что опираются на надежную философскую основу - говорят: разве Кант не доказал, разве физиология не доказала, что человеческое познание не может преодолеть границы чувственного мира? И вот какой-то исследователь духа хочет опровергнуть Канта, хочет опровергнуть данные современной физиологии! - Нет, исследователь духа совсем не опровергает то, что сказал Кант со своей точки зрения, а современная физиология со своей; но время, уже сегодня действующие скрыто поиски времени покажут, что в отношении верного и неверного имеется ещё и другая точка зрения, отличающаяся от привычной. Рассмотрим, как настоящая, жизненная практика, практика, которая плодотворна, относится к этим вещам.

Можно неопровержимо доказать, что глаз человека не в состоянии, например, видеть клетки. Такой довод неопровержим, как и довод Канта, что человеку, обладающему известными Канту способностями, не доступна сущность вещей. Допустим, ещё не изобретён микроскоп, и доказывается, что человек не может видеть мельчайшие частицы; это верно. Доказательство может быть в любом отношении абсолютно безупречным, и не найти возражений против убедительного довода, что глаз человека не может видеть мельчайшие частицы организмов. Но дело здесь не в более тщательном исследовании доказательств, а в том, что, несмотря на их неопровержимость, может быть изобретено физическое орудие, микроскоп, телескоп и другие, чтобы увидеть то, чего согласно доказательствам увидеть невозможно, если способности, которыми обладает человек, остаются безоружными. Правы те, которые говорят об ограниченности человеческих способностей, но духовная наука не спорит с ними, она показывает: как имеется возможность духовного совершенствования и развития человеческих сил познания, так имеется и физическое расширение и совершенствование, и что, вопреки правильности противоположного хода мыслей, плодотворное духовное исследование должно подняться над подобными "правильно" и "неправильно". Люди поймут, что не стоит тратить силы на доказательства, значимость которых всегда ограничена; они поймут, что жизнь ставит перед человеческим развитием иные требования, чем те, которые обычно считают логически обоснованными.

Но, с другой стороны, если это действительно, а не надуманные поиски времени, то они должны иметь непосредственное отношение к истинной задаче, истинной цели духовного исследования. Обратимся ещё раз к поистине великому прогрессу естествознания. Имея в виду этот великий, значительный прогресс естествознания, не следует удивляться, что сегодня некоторые умы считают возможным построить на надёжной основе естествознания мировоззрение, которое, разумеется, не учитывает те силы, о которых идёт речь. Сегодня получило широкое распространение, если так можно выразиться, материалистически окрашенное духовное направление, которое, поскольку выражение "материалистическое" не звучит, называет себя более благозвучно: монистическим духовным течением. Его главнокомандующим является достигший успехов в области естествознания Эрнст Геккель, а фельдмаршалом - Вильгельм Освальд. Это духовное направление пытается создать мировоззрение путём расширения познаний, полученных исключительно из естествознания. И с точки зрения поисков времени такая попытка приводит к следующему результату: пока естествознание придерживается исследования законов внешнего, чувственного бытия, пока представляет душу связанной с этим внешним, чувственным бытием, до тех пор оно будет опираться на твердую почву. И оно действительно достигло значительных успехов, оно достигло значительных успехов в борьбе со старыми предрассудками. И если даже Фауст в отношении природы обращался к внешней, материальной магии, то сторонник естествознания не может сегодня обращаться к ней. Совсем другого требует сегодня духовная жизнь на том пути, который был охарактеризован, она требует внутренней магии души. В борьбе с суевериями духовных течений, которые желают объяснить внешний мир так же, как объясняют часовой механизм наличием в нём крошечных духовных существ, в борьбе с объяснениями природы, которые находят позади природных явлений тех или иных существ, это естествознание, даже как мировоззрение, достигло величайших успехов. Посмотрите, как работает так называемое естественнонаучное мировоззрение, пока умы занимаются устранением старых, нездоровых

представлений о всевозможных духовных существах, которые выдуманы позади природы. Пока нужно противодействовать таким духовным стремлениям, естественнонаучное мировоззрение будет вести борьбу с тем, с чем бороться необходимо.

Но эта борьба, кульминация которой в основном уже позади, принесла свои плоды; и сегодня поиски времени ставят вопрос - какими средствами мы можем создать мировоззрение, в котором есть место и человеческой душе? Так как естественнонаучное мировоззрение, геккель-освальдовский материализм, при правильном понимании человека на это совершенно не способно. Поискам времени станет ясно, что сторонники чисто материалистического мировоззрения значительны как борцы со старыми суевериями, но они подобны отслужившим свой срок солдатам, которые не способны к мирным профессиям, к развитию индустрии и занятию земледелием. Естествознание не достигло бы своего величия, не будь оно мировоззрением, которое борется с ложными представлениями. Пока сторонник этого мировоззрения занят борьбой, это поддерживает его душу, но если он захочет создать истинное мировоззрение, в котором есть место душе, то у него, как и солдата, не окажется никаких способностей для мирных профессий! Тогда, скажем, в мирное время, он, сталкиваясь с проблемой своей души, не в состоянии создать себе образ мира.

Такое настроение будет все больше и больше охватывать души; духовный исследователь уже видит это настроение в глубинах души. Там, где душа еще ничего не знает об этом, царит страстная тоска по тому, что духовное исследование хочет дать миру. В этом - тайна нашего времени. Но если это духовное мировоззрение своевременно с высшей точки зрения, то оно ещё несвоевременно для многих наших современников, не осознавших ещё своих глубочайших стремлений. Поэтому эта духовная наука даёт сначала мировоззрение, которое на первый взгляд не опирается на твердую почву естествознания. Другое мировоззрение, мировоззрение так называемого монизма, желают воздвигнуть исключительно на основе внешней науки. Куда должно привести это мировоззрение, если душа действительно хочет видеть свои надежды и стремления исполненными, может показать его обратная сторона. В той активности духовного исследования, о котором было сказано, душа действительно возвышается до духовной общности, отдаётся духовному миру в воспринимающей активности, в активном восприятии. Благодаря духовной науке человек вновь узнает о настоящем духовном мире, о духовной действительности. Так называемое монистическое мировоззрение ничего не может сказать об этом духовным поискам нашего времени.

Эти поиски времени, эти стремления человеческой души невозможно подавить, несмотря на то, что часть наших современников привыкла образовывать о духовном такие мысли, которые протекают подобно естественнонаучным мыслям, когда внешнее созерцается в пассивной отдаче. Почему это происходит? Потому что наши современники - кто занимается этим, знают это - додумались до того, что хотят рассматривать духовное так, как рассматривают чувственное. Я не утверждаю, что на этом пути совсем невозможно прийти ни к чему истинному, но его методы в корне отличны от методов духовной науки. Так называемый спиритизм хочет внешне, без активного внутреннего восприятия, не поднимаясь к духовным мирам, пассивно созерцать духовные существа и процессы, как рассматриваются процессы физически-чувственные. Чьим отпрыском является этот чисто внешний, можно даже сказать материалистический спиритизм? Это дитя того духовного течения, которое опирается на почву так называемого монизма и предрассудков материализма, отдающихся исключительно воздействиям внешних законов природы. Неужели - удивленно воскликнут многие современники - спиритизм дитя геккелевского монизма?! - Но с этим ребенком дело обстоит так же, как с другими детьми. Многие родители вынашивают прекраснейшие мысли о том, как должен развиваться ребенок, но, тем не менее, иногда вырастают настоящие озорники. Речь идёт не о том истинном творении культуры, о котором мечтает монизм, а о реальном воплощении этих мечтаний. Вера исключительно в материальное порождает веру в то, что дух может действовать и выражаться только материально. И чем больше будет развиваться

чисто монистический материализм, тем пышнее будут расцветать повсюду, как его закономерный противоположный, спиритические общества и спиритические мировоззрения. Чем больше слепые последователи Геккеля и Освальда будут оттеснять в вопросах мировоззрения истинное духовное знание, тем больше они будут убеждаться в том, что культивируют спиритизм, - эту оборотную сторону истинного духовного исследования. А так как духовный исследователь исходит из того, что дух познаётся и исследуется, то он не следует тем методам, которые хотят материализовать дух и пассивно отдаваться ему, тогда как он переживается только активно.

Но эти внутренне, ещё не осознанные поиски нашего времени я хочу охарактеризовать в другом отношении. Некто, получивший определённое признание как философ, написал в популярном журнале странную статью. В ней он, в частности, пишет, что многим почти невозможно читать Спинозу и Канта, как в них ни вчитываются, понятия лишь кружатся и меняются. Разумеется, нельзя полностью отрицать, что у многих при чтении Канта или Спинозы кружится голова. И вот, этот философ предлагает, как согласно требованиям нашего времени можно было бы сделать по-другому. Сегодня, пишет он, у нас есть технические устройства и приспособления, с помощью которых абстрактные мысли Канта и Спинозы, которые: сбивают духом толку, могут быть представлены ей наглядным образом, так что она может пассивно отдаваться восприятию. Философ предлагает в чередующихся картинах, как в кинематографе, показать: вот сидит Спиноза, сначала шлифует стекла, затем у него появляются мысли, затем эта картина сменяется картиной самих мыслей и так далее. И таким образом, на манер кинематографа, могли бы быть наглядно показаны вся этика и мировоззрение Спинозы. Так было бы отдано должное внешним запросам времени. А издатель этого журнала даже сделал сноску: это изобретение, которое многим покажется забавой, крайне своевременно и могло бы удовлетворить древние метафизические потребности человека.

Возможно, с определенной стороны, но только с внешней, это вполне отвечало бы поискам нашего времени, если бы перед кинематографом было написано: Спиноза "Этика" или - Кант "Критика чистого разума". А почему бы и нет? Этим было бы отдано должное пассивному восприятию, которое сегодня так любят. Любят настолько, что не в состоянии поверить, что духовное - это реальность, в которой можно освоиться, только принимая активное участие в каждом шаге. В наше время не любят выражать в самих себе, в своём духовно-душевном сущность вещей. Посмотрите на тумбу для афиш! Попытайтесь отгадать мысли стоящего перед ней человека. На доклад, где не будет показано диапозитивов, но будут только размышлять об участии души в выработывании мыслей, придёт гораздо меньше людей, чем на доклад, где выдаваемое за духовно-душевное будут демонстрировать с помощью диапозитивов и довольствоваться лишь пассивным восприятием.

Кто хочет понять поиски нашего времени, их глубочайшие, ещё не осознанные надежды и стремления, тот в подосновах души находит стремление к активности, стремление души вновь обрести себя в полной активности. Свободной, обладающей устойчивым внутренним равновесием человеческая душа может стать лишь тогда, когда развивает внутреннюю активность. Человеческая душа сможет правильно ориентироваться в жизни, лишь осознав, что ей не следует ограничиваться пассивным отношением к миру, но осознанно участвовать в том, что может пережить в деятельности, что из духовного мира она в состоянии воспринять лишь то, чем смогла овладеть активно. В размышлении над тем, что даёт духовная наука, будет развиваться понимание соучастия, совместной деятельности; ибо благодаря этому духовное знание принесёт удовлетворение глубочайшим, бессознательным стремлениям современных душ, благодаря этому оно пойдёт навстречу глубочайшим запросам нашей эпохи. Ибо в отношении затронутых здесь вещей наше время является переходным. Как легко и просто говорить о переходном времени вообще, ибо таковым является каждое. Поэтому всегда будут правы, утверждая, что живут в переходное время. Но если обратить внимание на то, что живёт в переходное время, то речь главным образом пойдёт о том, что считать переходным в то или иное время. Переходное состояние нашего

времени можно охарактеризовать так: было необходимо, -лишь поэтому естествознание добилось успехов, развилось и достигло своего величия - чтобы в течение столетий человечество прошло воспитание пассивностью, ибо только благодаря отдаче материалистическим истинам было достигнуто то, что должно быть достигнуто именно на естественнонаучной почве. Но жизнь развивается в ритмах. Как маятник, отклонившись в одну сторону, опять стремится в противоположную, так и человеческая душа, если она правомерным образом некоторое время воспитывалась для правильной, пассивной отдачи, должна собраться с силами, чтобы вновь найти себя, должна собраться с силами для активности, чтобы охватить себя в себе. Чем же она стала благодаря пассивности? То, чем она стала благодаря пассивности, я хочу выразить в радикально звучащих словах, которые многим, конечно, покажутся слишком парадоксальными. Но, с другой стороны, из духовной науки следует, что невозможно подняться до выводов естественнонаучного мировоззрения, не уделив внимания этому радикальному выводу. Даже кто полагает, что якобы опирается исключительно на выводы истинного естествознания, не обладает мужеством прийти к этому выводу. Если бы к нему пришли, то расслышали бы звучащие сквозь поиски времени необычные слова.

В начале Ветхого Завета есть одно высказывание, - я сегодня не буду касаться внутреннего смысла этих слов, каждый волен понимать их как угодно: для одного - это образ, для другого - выражение неких фактов или факта, но с тем, что я скажу о них, могут согласиться все - оно звучит так: "Вы будете как Боги и познаете - или различите - добро и зло!" Эти слова мы встречаем в начале Ветхого Завета. Как бы их ни понимали, нельзя не согласиться с тем, что они выражают нечто значительное для человеческой природы и человеческой души. Они приписываются искусителю, который приблизился к человеку и прошептал: "Если ты последуешь за мной, уподобишься Богу и различишь добро и зло". Можно предполагать, что без этого искушения в человеке возникла бы склонность только к добру, так что вся человеческая свобода в определенной степени связана с этими словами. Они выражают призыв искусителя, чтобы человек посмотрел на себя как на другое, чем он есть, существо, и подобно Богу относился к добру и злу. Об этих словах искусителя можно думать всё, что угодно. Я не требую, чтобы вы отнеслись к нему сейчас как к действительному существу, как к реальной сущности, но те, кто понимает эти вещи, найдут здесь прекрасное подтверждение словам: "Черт рядом, а на то нет смётки, хоть прямо их хватай за глотки". И кто хотя бы немного прислушивается к поискам времени, сегодня опять услышит в них этот шепот. Он звучит все отчетливее. Назовите его голосом души или как вам угодно, но искуситель здесь - это следует сказать, невзирая на все суеверия. И для тех, кто обладает мужеством прийти к конечным выводам естественнонаучного мировоззрения, он произносит своеобразные и удивительно мудрые слова. Но люди, которые якобы стоят на почве естественнонаучного знания, не обладают мужеством для последних выводов, В своих чувствах и мыслях они ещё верят в отличие добра от зла, хотя, опираясь только на почву естествознания, это отличие должны отрицать. Ведь как только ступают на почву чистого естествознания, то не только солнце начинает одинаково светить над добром и злом, но согласно природной закономерности зло становится таким же естественным отправлением человеческой природы, как и добро. И таким образом он, искуситель, нашептывает человеку конечные выводы: закройте глаза, будьте как высокоразвитые животные. Будьте как животные и не отличайте добро от зла. -Наше время является переходным потому, что сегодня опять слышен голос искусителя, но теперь он говорит противоположное тому, что сказал когда-то согласно Ветхому Завету: вы будете только развившимися животными и поэтому, правильно понимая себя, не будете различать между добром и злом.

Если бы имели мужество для этих выводов, то увидели бы в них результат чистого, отдающегося пассивности мировоззрения. Защитить наше время от этого голоса, - это говорится образно -внести в поиски времени знания о духовной жизни - вот задача и цель духовной науки. Тем, кто сегодня ещё борется с духовной наукой с точки зрения какого-либо мировоззрения, следует согласиться, что эта борьба подобна той, которая велась против Коперника. Сейчас, когда, благодаря

зданию нашей Высшей Свободной Школы духовной науки в Дорнахе, мир стал уделять нам больше внимания, множатся голоса противников. И в последней статье. "Как духовной науке следует относиться к своим противникам?" я сказал, что противники духовной науки сегодня стоят на той же самой точке зрения, на которой стояли противники Коперника, хотя некоторые утверждают, что различие состоит будто бы в том, что Коперник говорил о фактах, в то время как духовная наука ограничивается только утверждениями. Они совсем не замечают, бедняги, что для людей их склада факты Коперника в то время были ни чем иным, как утверждениями, необоснованными утверждениями; они не замечают, что наши "необоснованные утверждения" для настоящего исследования являются именно фактами, разумеется, фактами духовной жизни. И, таким образом, как со стороны науки, так и со стороны религии против духовной науки выдвигается множество возражений. И как во время Коперника говорили: мы не можем верить, что Земля вращается вокруг Солнца, ибо этого нет в Библии - так и сегодня говорят: мы не можем верить тому, что говорит духовная наука, ибо этого нет в Библии. - Но люди справятся с тем, что говорит духовная наука, как они справились с тем, что сказал Коперник.

Всегда следует помнить о человеке, деятельность которого была связана с местным университетом, о человеке, который был одновременно ученым и священником и который в своей ректорской речи о Галилее сказал прекрасные слова: тогда противниками Галилея двигало опасение за незыблемость религиозных представлений, но сегодня - так сказал этот ученый при вступлении в ректорскую должность - истинно религиозные люди знают, что каждая новая истина, которая исследуется, является дополнением к изначальному Божественному Откровению и прославлением Божественного миропорядка. - Противникам духовной науки следовало бы обратить внимание на то, что могло бы иметь место, пусть даже этого не было в действительности. Допустим, что Колумбу кто-то говорил: эти новые земли - которые он тогда открыл - нам не нужно открывать, нам хорошо и в старых землях, здесь так прекрасно светит солнце. Разве мы знаем, светит ли вообще солнце в новых землях? - Таким же образом противопоставляют духовному знанию свои религиозные представления те, кто полагает, что их религиозные чувства пострадают в результате открытий духовной науки. То же самое солнце освещает как старый, так и новый мир, поэтому кто полагает, что солнце их религиозных чувств не будет освещать каждую вновь открытую землю или область, имеют слабую религиозную веру и шаткие, неустойчивые религиозные представления. И надежными, устойчивыми они будут у того, кто непредвзято рассматривает факты такими, каковы они есть. Но время в своих поисках, если оно все больше и больше будет проникаться духовной наукой, проникнется ею настолько, что многим сегодня это даже невозможно представить.

Разумеется, у духовной науки ещё много врагов, но тем не менее в ней слышится созвучие всех величайших умов человечества, которые, даже не обладая духовным знанием, предчувствовали ту связь человеческой души с духовным миром, которую открывает духовная наука. Слышится, например, созвучие Шиллера и его прозрений относительно духовного мира с тем, что было сказано о новом откровении искусствителя. На основании своих естественнонаучных исследований Шиллер пришёл к выводу, что человек возвышается над животным царством, что человеческая душа сопричастна духовному миру. И в заключение можно вспомнить о той индивидуальности, деятельность которой была связана с Австрией и которая в глубине своей живой души чувствовала неясное стремление к тому, что духовная наука возвысила до достоверности. Он, оставаясь одиноким в своих мыслях и прозрениях, чувствовал это и не терял из виду духовного горизонта, хотя как врач полностью стоял на почве естествознания. И в качестве признания со стороны духовной науки Эрнсту Фрайхерну Фехтерлебену, этому целителю душ и педагогу, мы закончим наш доклад словами самого Фехтерлебена, в которых звучит нечто из того, что душа может почувствовать как свою высшую силу, но может почувствовать лишь тогда, когда уверена в своих связях с духовным миром. Следующие слова Эрнста фон Фехтерлебена могут стать девизом духовной науки: "От человеческой души не может укрыться, что она, в конечном счёте, своё истинное счастье может достигнуть лишь расширением своих внутренних

владений и своего внутреннего существа".

Это расширение, укрепление и устойчивость эту внутреннего, духовного существа души должна дать поискам времени духовная наука.

ЧТО ГОВОРИТ ДУХОВНАЯ НАУКА О ЖИЗНИ, СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Вена, 8 апреля 1914

Если изложение основ духовной науки в предшествующем докладе представляло определенную трудность, то сообщение о тех результатах исследований, которые будут предметом этого доклада, представляет определенный риск в виду способа представлений и привычек мышления нашего времени. Этот способ представлений и привычки мышления должны найти много парадоксального уже в содержании предшествующего доклада, и с этой точки зрения совсем нелегко увидеть серьезные исследования в том, что будет сказано сегодня. Большинство наших современников склонны видеть в этом лишь мечтания фантаста. Говоря о подобных вещах, следует полностью отдавать себе отчет в том, что в более позднее время становится общепризнанным и само собой разумеющимся всё, что кажется таким парадоксальным и невероятным тогда, когда появляется впервые.

Этими предварительными словами я хотел бы обратить внимание на то, что духоиспытатель должен полностью отдавать себе отчет в том, насколько невероятными покажутся результаты его исследований, с которыми он выступит.

Прежде чем перейти к результатам этого исследования, хотелось бы в двух словах охарактеризовать основное настроение души духоиспытателя. Это основное настроение совершенно иное, чем в других сферах исследования. Если в познании внешней жизни и в обычной науке сегодня используют те познавательные силы, которые нужно лишь привести в действие, чтобы судить обо всём, что предлагает сама природа и её исследование, если при этом все усилия обращаются на само исследование, наблюдение вещей и познание их законов посредством разума, то настроение духовного исследователя в отношении истины и всех познавательных стремлений является совершенно иным. При духовном исследовании чувствуют всё большую и большую потребность направить всю работу души, все внутренние стремления сначала на подготовку; всё больше и больше чувствуют, что должны постоянно ждать, должны постоянно подготавливаться, если хотят приблизиться к какой-нибудь истине в той или иной области, ибо осознают: чем больше усилий и работы совершит душа на том пути, который должен быть пройден до исследования, тем больше созреет для восприятия истины. Именно о таком отношении к истине идет речь в настоящей, подлинной духовной науке. И это чувство, это настроение настолько сильно охватывает душу, что, приближаясь к таким вещам, испытывают священный трепет перед важными, значительными познаниями духовного исследования, предпочитают скорее ждать, чем позволить им слишком рано войти в сознание. В самом духоиспытателе это вызывает совершенно особое настроение, то настроение, которое, постепенно пронизывает всю охарактеризованную выше внутреннюю душевную работу в упражнениях и которое влечёт за собой определённое отношение к истине, а именно -священный трепет перед истиной.

После этого вступления хотелось бы сразу же подробнее остановиться на той важной и вполне естественной для каждой души теме, которая будет обсуждаться сегодня. Далеко не последние умы нашего времени упорно придерживаются мнения, что истины веры и истины науки отделены друг от друга; они полагают, что все представления человека, возвышающиеся над рождением и смертью, относятся к области веры, а не строго доказуемого знания. Именно эту пропасть между знанием и верой преодолевает духовная наука. И когда истины о посмертной жизни раскрываются так же, как и здесь, слышится созвучие с тем, что издавна стремилось к современным духовным исканиям; это созвучие слышат при обращении к тому, что великий Лессинг, в соответствии с основными истинами этого духовного знания, изложил ещё в той работе, которую как своё духовное завещание, как зрелый плод своих мыслей и чувств написал незадолго до своей смерти. В "Воспитании человеческого рода" Лессинг не побоялся сказать, что

воззрения о повторных земных жизнях не могут быть ошибочными потому, что они возникли как нечто изначальное, к чему пришёл человеческий род, прежде чем предрассудки школ и философий набросили темный покров над тем знанием о посмертном бытии, которым обладало человечество в начале своего культурного развития. Так, опираясь на почву духовного знания, слышат созвучие с теми лучшими умами, - можно было бы назвать ещё много имён - стремления которых влились в культурное развитие человечества.

Факты и процессы духовной жизни, как было сказано в первом докладе, могут быть исследованы только тогда, когда человек с помощью упражнений разовьёт дремлющие в его душе силы настолько, что душа сможет - в качестве сравнения был упомянут химик, извлекающий из воды водород - отделить себя от физически-телесного, осознать себя отдельно от него и постигнуть смысл слов: я переживаю себя как душевно-духовное существо вне моего тела, которое со всем, что принадлежит ему в чувственном мире, находится передо мной подобно внешнему предмету, который я могу видеть глазами и трогать руками. -Как и в предыдущем докладе, я хочу обратить внимание на то значительное мгновение, которое наступает в жизни духовного исследователя, когда он созреет для этого благодаря упомянутым упражнениям. Кто хочет узнать об этих упражнениях больше, пусть обратится к моим книгам "Как достигнуть познания высших миров?" и "Очерк тайноведения". Здесь следует указать лишь на основные моменты в переживаниях духовного исследователя. Когда он отделяет свою душу от тела, тогда в какой-то день, может быть даже ночь, - ибо возможно как то, так и другое - наступает это переживание. Оно наступает посреди обычных событий дня или ночи, одно не будет мешать другому, если подготовка правильна и упражнения делались верно. Это может произойти сотней различных способов, но мне хотелось бы сказать только о характерных чертах. Это может произойти так или иначе, но всегда будут типичные черты, которые я сейчас опишу: человек как бы пробуждается ото сна, он осознаёт, что происходит нечто, что не является сном. От него отступают все внешние восприятия, все заботы и желания, - всё, что связывало его с обычной жизнью. Или переживание наступает в середине дня, когда его представления успокаиваются, когда нечто совершенно иное входит в представления, в сознание. То, что тогда наступает - мне хотелось бы как можно подробнее остановиться на этом потрясающем переживании, - всегда будет подобно тому, как я это описываю: ты сейчас подобен дому, в который ударила молния. Твое окружение рассыпается как дом. в который ударила молния. Молния пронзила тебя самого, и всё, с чем связан ты материально, рассыпается на отдельные элементы. Чувствуют себя извлечённым из себя самого, но сохранившим себя как духовное существо. Это одно из самых глубочайших и потрясающих переживаний, которое только можно представить. С этого, или подобного момента, знают, что означает переживать самого себя в душе вне своего тела. И духовные исследователи всех времен применяли для этого переживания определенное выражение, которое представляется совершенно точным тем, кто его испытал. Ибо во все эпохи, в соответствии с условиями различных культур, имелся единый способ духовного исследования. Современный способ духовного исследования отличается от прежних, он приведен в соответствие с развитием современного естествознания. Но то, что достигается благодаря ему, также достигалось с помощью тех методов, которые соответствовали той или иной культуре. И духовные исследователи различных времён выражали только что охарактеризованные переживания в следующих словах: человек словно подходит к воротам смерти. И фактически то, что происходит, можно представить как переживание смерти. На самом деле этого не происходит, ибо духоиспытатель опять возвращается в своё тело, и всё продолжается как прежде, он опять воспринимает внешний мир. Но все, что он пережил, является образом того, что действительно имеет место, когда человек проходит через врата смерти, когда прекращается земная жизнь и наступает жизнь после смерти.

Если хотят понять, как духовный исследователь приходит к таким вещам, о которых идет речь, то должны представить себе, что посредством тщательной подготовки своей души он достигает совсем другого восприятия, чем восприятие внешних чувств; ему действительно становятся доступны те сферы бытия, о

которых будет сказано дальше.

Первое, к чему приходит духовный исследователь в тот момент, когда стоит как бы перед воротами смерти, можно в некотором смысле назвать выходом за пределы человеческой памяти или её преодолением. Человеческая память, человеческая сила воспоминания есть нечто такое, что в определенной мере живёт в нашей душе как начало духовного. Это признаёт даже внешнее исследование, которому ничего не известно о духовной науке. Достигший блестящих результатов французский исследователь Бергсон видел в памяти человека нечто духовное, не имеющего ничего общего с биологическими или физиологическими процессами. И как только исчезнут предрассудки естествознания, которых сегодня ещё упорно придерживаются, тогда в сокровищах нашей памяти увидят нечто, что в человеческой душе уже является как бы началом перехода от того, что связано с чувством и мозгом, к чисто духовно-душевному. Как бы откладывая наши представления в память, мы сохраняем их не благодаря телесным процессам, но исключительно в душе. Я могу только указать на это. Естественнаучное доказательство вышесказанного потребовало бы слишком много времени и специальных докладов. И как в обычной жизни воспринимают образы воспоминаний, которые извлекаются из сокровищницы нашей души и которые при своём появлении не обладают тем, что помогло бы нам отличить их от иллюзий и галлюцинаций, так и теперь перед душой духовного исследователя, но не из сокровищниц души, а из духовного мира, возникают духовные процессы и духовные факты; и тогда видят, что позади сокровищницы памяти человеческая душа может пережить еще нечто другое. Тогда духоиспытатель осознаёт как бы следующее: теперь, когда твоя душа извлечена из тела, ты можешь полностью охватывать взором, словно внешний объект, собранные тобой в чувственном мире сокровища памяти. Но эти сокровища памяти подобны покрову, который наброшен на то, что всегда жило в душе, но не осознавалось ею, поскольку было покрыто, завуалировано образами воспоминаний. Да, в глубинах этой человеческой души находится нечто, что живёт в ней всегда, но человек, расстилая в душе покров воспоминаний, закрывает им это подсознательное духовно-душевное. Когда духоиспытатель поднимается до духовно-душевного, его воспоминания подобно хвосту кометы тянутся за его душевно-духовным существом, но через них он может прозревать то, что можно было бы назвать силами более высокого рода, чем те, которые сохраняют нам воспоминания. Если бы это выражение не было столь предосудительным, - но для этой области, не имеющей ничего общего с чувственным миром, трудно найти соответствующее выражение, - то можно было бы сказать: от памяти поднимаются к сверхпамяти. Постепенно достигают, как было сказано выше, имагинативных представлений. Если при воспоминании образы памяти поднимаются, предстают перед душой, и им отдаются пассивно, то при погружении в находящуюся позади памяти область узнают, что следует активно произвести то, что затем стремится вверх как имагинация, как содержание сверхпамяти. Но благодаря подготовленной к таким вещам душе также знают: то, что открывается как находящееся позади памяти, всегда находилось здесь, но только было закрыто памятью, - и, познавая это в своём существе, узнают, что задвинутое в основы, которые находятся за сокровищами памяти, представляет собой нечто такое, что теперь работает и действует в нашем физическом организме. И приходят ещё к одному открытию, которое является чрезвычайно важным для отношения духовного исследования к исследованию природы. Исследование природы сегодня говорит: всё, что человек чувствует, мыслит и волит, связано с процессами его нервной системы. Это верно, но оно с помощью своих средств не может допытаться, как душевная жизнь связана с нервной системой, как, например, мысли связаны с мозгом. Нужно проникнуть в глубочайшие подосновы душевной жизни. При духовном исследовании видят, что все представления и мысли, которые мы образуем в повседневной жизни и в научной работе, а также все ощущения, безусловно, связаны с мозгом - но как они с ним связаны? Глубочайшее душевное, о котором обычное сознание совсем ничего не знает и которое открывается только духовным исследованием, обрабатывает сначала, скажем, определенную часть мозга, посылая свои силы органам чувств и мозгу; и благодаря тому, что это, находящееся позади сознания

душевное обрабатывает нервную систему, последняя становится зеркалом, отражающим то, что происходит в обычной жизни. Душевно-духовное зеркально отражает то, что происходит в обычной жизни. Как вы, глядя в зеркало, видите не себя, но своё зеркальное отражение, точно так же обстоит дело и с вашими повседневными мыслями, представлениями, чувствами и волей. Это глубочайшее душевное специально работает в нервной системе и мозге, благодаря чему появляется возможность воспринимать нечто. Именно это душевно-духовное вырабатывает глаз и вызывает в нём определённые процессы. Когда эти процессы вызваны, глаз отражает в духовно-душевном то, что мы называем красками. Таким же образом это глубочайшее душевно-духовное работает в теле. И духовные исследования приводят человека к познанию: мы сами живём во внутреннем наших представлений, мы сами своим глубочайшим существом сначала подготавливаем тело, чтобы оно стало аппаратом, отражающим переживания души. Так происходит в обычной, внешней, пространственной жизни. Но в то мгновение, когда наши представления становятся образами воспоминаний, должно произойти ещё нечто иное; чтобы представления не промелькнули мимо нас подобно сновидениям, но стали воспоминаниями, мы должны применить внимание. На всём, что должно стать воспоминанием и остаться в душе, мы должны концентрироваться гораздо дольше, чем необходимо, скажем, только для образов представлений. Цветовое впечатление не оставило бы нам воспоминания, если бы мы не созерцали его настолько, насколько это необходимо для возникновения цвета. Рассматривая его гораздо дольше, мы апеллируем к тем силам, которые сохраняют всё это в нашей душе как воспоминания. Мы как бы отодвигаем нашу душевную деятельность в более глубокую сущность, которая оказывается не физическим телом, но более тонким, более эфирным, чем физическое тело. В духовном исследовании его называют предосудительным, совсем не популярным сегодня выражением "эфирное" - однако это слово не имеет того смысла, с которым его обычно связывают, - оно представляется эфирным телом, телом уже более духовного рода.

Деятельность нашей души не ограничивается только созданием этих образов воспоминаний, но в гораздо большей степени она действует в себе посредством своей связи с внешним миром в жизни между рождением и смертью. И здесь духоиспытатель открывает нечто удивительное: наши воспоминания остаются представлениями только потому, что, удерживаясь в эфирном теле, не допускаются в тело физическое. Если бы эти представления достигали физического тела и действовали в нём, то они стали бы образующими, жизненными силами физического тела, пронизывающими его организацию. Благодаря тому, что мы оставляем наши представления представлениями, они, сохраняя характер воспоминаний, не переходят в органические силы, а мы удерживаем их силу представлений. Они могут оставаться воспоминанием.

Но душа развивает в жизни и более значительные силы, чем силы воспоминания, и эти более значительные силы равным образом сохраняются в душе. Но они, как и сверхпамять, сокрыты покровом обычной памяти. Духоиспытатель, созерцая сквозь память эти сокровища сверхпамяти, осознаёт в своей душе нечто, что не может действовать в физическом теле, что сокрыто покровом воспоминаний и не может стать действенным в том физическом теле, которое мы имеем между рождением и смертью. Это нечто не остается представлением, но и не становится органически действующей силой. Духоиспытатель переживает это, находясь вне своего тела. Но он переживает наряду с этим и нечто другое. Он, может выразить это следующим образом: я переживаю в своей душе нечто, что хотя и находится в ней, но в некоторой степени не может найти применения, поскольку не проникает в тело, которое образовано с рождения или, скажем, с зачатия, ибо не находит себе здесь места. И духоиспытатель, углубляясь в то, что я обозначил, переживает и познаёт это так, как познают семя в растении. Растение развивается от корня до плода, в котором находится семя. Но наличие семени уже предполагается целым растением. Семя само по себе не имеет для растения никакого смысла; оно не даёт этому растению свои силы, но является зародышем следующих растений, скажем, ближайших лет. Духоиспытатель, погружаясь в это нечто, в это своего рода душевное семя или

зародыш, узнаёт, что оно образовано в этой жизни между рождением и смертью, но не развивает в этой жизни своих сил; оно погружено в глубокие слои души и подготовлено для следующей жизни, как семя подготовлено для следующего растения, которое не может развиваться без предшествующего.

Так, погружаясь в душевное, приходят к познанию созвучия следующих друг за другом земных жизней человека со всей внешней природой. При этом духоиспытателю следует помнить: то, что ты здесь должен пережить, ты переживешь, если только будешь постоянно осознавать свою собственную деятельность, иначе ты не увидишь, как это возникает, и это станет галлюцинацией, иллюзией или просто фантазией. Совершенно несостоятельным будет возражение: духоиспытатель не сможет отличить открытое им таким образом от галлюцинации, иллюзии, фантазии или даже внушения. - Если бы духоиспытатель относился к своим переживаниям так же, как болезненная душа относится к галлюцинациям, тогда это возражение было бы уместным. Тогда к ним относились бы как к внешним восприятиям, истинная природа которых не ясна. Но благодаря соответствующей подготовке, о которой можно прочесть в моей книге "Как достигнуть познания высших миров?", духоиспытатель учится совершенно точно различать реминисценции внешнего мира, фантазии и галлюцинации, к которым он относится пассивно, от созерцаемого им таким образом; он знает об этом точно так же, как знает, что буквы и слова сами по себе ничего не значат, но указывают на нечто другое. Ибо духоиспытатель относится к созерцаниям не как к галлюцинациям, но как бы духовно читает возникающие перед ним имажинативные образы. Только когда в том, что производится в душе собственной активностью, учатся постигать смысл, как постигают его в очертаниях букв, только когда во внутреннем наиболее энергичным образом поднимаются к тому, что вступает в душевное созерцание, только тогда действительно достигают созерцания процессов и существ духовного мира. И благодаря постепенному вживанию в тот элемент нашей души, который не един с телом, проникают в сущность, обладающую свойствами бессмертия.

Духовная наука не спекулятивная философия, где только размышляют о доводах в пользу бессмертия души: духовная наука показывает, как приходят к самой душе и чем она, эта настоящая душа, является. Она как бы обнажает душу, и тогда видят, что раскрытая таким образом душа не есть результат внешней телесности, но напротив - эта телесность есть результат того, что здесь открывают. Ибо если, с одной стороны, открывают в себе душевное ядро, которое переживается и осознаётся как зародыш последующей земной жизни, то, с другой - в этом, сокрытым сокровищем памяти содержания сознания переживают также и то, что притягивается человеком как его телесно-физическое, прежде чем он, как физическое существо, начинает своё бытие с рождения или, скажем, с зачатия. - Точно также, как сама душа для отражения своего содержания подготавливает в пространстве мозг, точно так же переживают, что духовно-душевное находилось до зачатия в духовном мире и обрело там силы, чтобы связать себя с данной отцом и матерью физической субстанциональностью, пропитаться этой субстанциональностью и организовать её в соответствии с собой. Переживают, что человек, вступая в мир, не является только результатом отца и матери, но духовное связывает себя с материальным, - с тем, что дано отцом и матерью; переживают это духовное, которое спустилось из духовного мира, где находилось между последней смертью и этим зачатием. И духоиспытатель, узнавая в душе о том, что находится по ту сторону памяти, благодаря этому также узнаёт, как проявляет себя душа при наступлении смерти, когда её деятельность больше не ограничена телесным. Когда наступает смерть, тогда душа - этот факт открывает духовное исследование - живёт сначала в том, что в течение жизни не стало физически-телесным; она живет в сокровищах своей памяти. В первое время после смерти перед душой расстилается обширная панорама того, что человек пережил между рождением и смертью. Вспоминаются даже те события, которые были забыты при жизни. Эти переживания всех своих воспоминаний длятся только несколько дней. Духоиспытатель созерцает это как первое посмертное переживание и познаёт природу памяти. Когда душа выходит из тела, духовный исследователь действительно переживает то, что переживает умерший, пройдя

через врата смерти. Как только духовный исследователь покидает своё тело, перед ним возникает всё содержание его памяти, но теперь это становится для него внешним миром; как прежде он видел вокруг себя горы и облака, звезды и солнце, луну, реки и города, так сейчас, находясь вне своего тела, он видит вокруг себя панораму своих переживаний; теперь он созерцает эту панораму и видит свои действующие силы. Привыкнув - используем это тривиальное выражение, - созерцать эти вещи вне тела, постепенно достигают возможности направлять сознательно взор на то, что душа переживает после смерти, что она пережила после последней смерти и что ей предстоит пережить после смерти, которая наступит. Сначала это расстилающаяся панорама воспоминаний, накопленных мыслей. Но затем появляется другая душевная сила. Теперь, когда миновала смерть, эта душевная сила больше не сдерживается телом, и в результате её действия эта панорама воспоминаний по истечении нескольких дней исчезает из окружения человека.

Теперь, как говорилось в начале доклада, настала очередь рискованных вещей, но их нельзя не касаться, не используя обычные обороты речи. Я попытаюсь изложить результаты духовного исследования о длительности этих первых посмертных переживаний. Оказывается, что длительность обзора воспоминаний последней жизни для различных людей не одинакова, - для одних меньше, для других больше - но, как правило, это длится примерно столько, насколько человеку при жизни хватает сил, чтобы сохранить бодрствующее состояние, когда ему мешают заснуть. Один человек может бодрствовать, не засыпая, не больше ночи, другой несколько ночей. Эта внутренняя, преодолевающая сон сила определяет период времени, в течение которого длится это обратное воспоминание. Затем оно исчезает и возникает нечто другое.

В то, что теперь возникает, можно углубляться, если только с этим уже знакомы посредством переживаний вне тела; но очень трудно подобрать слова для этих переживаний души, ибо они существенно отличаются от обычных. Наша речь приспособлена для чувственного мира. То, что находится вне чувственного мира, душа переживает совсем иначе, чем здесь, в чувственном. Поэтому я прошу меня извинить, если некоторые выражения покажутся вам неудачными и парадоксальными; если кто-то намеревается совсем обычными словами описать то, для чего трудно подобрать слова, то не сомневайтесь в том, что он не сможет непосредственно из внутреннего опыта описать переживания, следующие за обратным обзором. То, что отныне переживает душа духоиспытателя вне тела, можно было бы назвать не только чувством и не только волей, но чем-то средним: "волящим чувством" или "чувствующей волей". Этой душевной силой, которая развивается внутренне, совсем не обладают в обычной жизни. Она известна только духоиспытателю. Это происходит так, словно воля с нами двигается туда, в мир, словно она, двигаясь туда, на своих крыльях или на своих волнах несёт то, что теперь встречает нас как чувство, что мы находим как бы вне нас, как бы приближающимся на волнах воли. Если мы обычно воспринимаем чувство как нечто, внутренне сросшееся с нами, то теперь оно как бы колеблется и движется на волнах воли; и тем не менее при этом переживании мы осознаём себя как бы расширяющимися в мир, осознаём себя в том, что находится вовне как волящее чувство или чувствующая воля, что находится вовне подобно восприятию красок и восприятию звуков чувственного мира, - осознаём, что всё это пронизано нашим существом. Там вовне находится чувство, которое мы воспринимаем как свет, осознавая в то же время свою связь с ним.

Но первое время после обратного обзора единственным миром, который сначала воспринимает человек, является мир, покинутый им после смерти. После исчезновения панорамы воспоминаний в душе развивается и крепнет эта чувствующая воля или волящее чувство, но теперь это выражает такие вещи, которые еще связаны с последней земной жизнью, поэтому эти переживания можно охарактеризовать примерно так: опыт земной жизни никогда не даёт человеку всего, что мог бы ему дать. О многом можно сказать: мы насладились не всем, чем могли бы насладиться, и что могло бы оставить след между рождением и смертью. Между строк жизни всегда остаётся нечто от желаний, страстей, любви к другим людям и так далее. Несбывшееся - используем это тривиальное

выражение - в последней жизни является тем, на что мы оглядываемся теперь с духовным вожделением, оглядываемся в течение ряда лет. В течение этих лет, мы живем главным образом в мире того, чем мы были. Вглядываясь в нашу последнюю земную жизнь, в земное бытие, мы видим несбывшееся. И только благодаря тому, что мы в течение лет живём в некоей сфере, где не может быть удовлетворено ничего из того, что удовлетворяется на земле, поскольку мы оставили телесные органы, мы работаем в душе из таких взаимосвязей с последней земной жизнью.

Духовная наука может установить продолжительность и этих переживаний: период с самого начала жизни вплоть до того момента, когда человек может вспомнить себя, не имеет никакого влияния на продолжительность переживаний, о которых идёт речь. Равным образом не оказывает никакого влияния время жизни после 25 - 27 лет. Период приблизительно от четырех лет до двадцатых годов указывает на то время, в течение которого - так непосредственно соединяются со своей последней земной жизнью - в духовном мире должен быть собран опыт, который извлекается из земной жизни. Для духовного наблюдения выясняется: сколько требуется времени, чтобы в соответствии с прошлой духовной жизнью, пройдя через зачатие и рождение, с помощью как бы стремящихся ввысь сил построить до середины двадцатых годов свое тело, то есть, сколько требуется времени, чтобы пропитать жизнь телесными, органически-плодотворными силами, которые желают и наслаждаются, приблизительно столько же требуется времени, чтобы освободиться от связей с последней земной жизнью. Так что, если мы достигли, например, двенадцатилетнего возраста, нам потребуется, вероятно, только пять или семь лет, чтобы вновь выйти из последней земной жизни; но если мы достигли, скажем, пятидесятилетнего возраста, то годы после двадцати пяти лет лишь незначительно увеличат продолжительность указанного периода.

Следует сказать, что уже в течение этого периода человек начинает некоторым образом воспринимать в своём окружении духовные процессы и духовные существа. В первой лекции я уже сказал, что духоиспытатель, переживая себя в своём духовно-душевном, действительно находится в духовном мире. В этот духовный мир втягиваются умершие; но сначала их связи с прошлым, с прежней жизнью осуществляются как бы в обход; связь со своим духовным окружением они устанавливают посредством своей предшествующей жизни. Допустим, кто-то прошёл через врата смерти. Период обратного просмотра закончен. В это время он не связан с предшествующей земной жизнью. Но тот, кого он любил, ещё находится в физическом теле. И кто ещё находится в той стадии переживаний, о которой идёт речь, не связан непосредственно с душой живущего на земле; но происходит своего рода переключение: в последней земной жизни мы любили человека, который ещё живёт на земле, мы, находясь в этой стадии, о которой идёт речь, взираем на это чувство любви. Оно и есть наш внешний мир. Взирая на него, мы находим путь к душе или душам, которые ещё живут на земле. Равным образом мы можем через чувства найти путь и к тем душам, которые уже прошли через врата смерти. Так живёт человек с человеческими душами как душа после смерти, но сначала как бы в обход, посредством своей собственной жизни.

Но теперь в человеке всё больше и больше развивается некая душевная сила, которая опять-же известна только духоиспытателю, когда он духовно-душевно живёт вне тела. Для этой силы уже совсем нет слов. Другую силу по меньшей мере можно еще назвать "волящим чувством" или "чувствующей волей", поскольку она обладает некоторым сходством с волей и чувством. Если даже воля и чувство объективированы, они всё же имеют некоторое сходство с вещами, которые волнуются в чувствовании и в волении вовне, нечто подобное импульсам чувства и воли, которые обычно свойственны нам в жизни. Но то, что отныне переживает душа и что пробуждается в ней как сила по мере её удаления от последней земной жизни, я могу выразить лишь в словах, которые звучат непривычно, но которые всё же следует сказать; я могу назвать это творческой душевной силой или душевной силой творчества. Теперь душа переживает это непосредственно. То, что переходит в активность, душа переживает полностью; но вместе с тем эта творческая сила действительно развивается, действительно излучается из души в окружение и - опять это звучит непривычно, но, чтобы объясниться, используем это выражение - эта сила, излучаясь в окружение как духовный свет, освещает вокруг духовные

процессы и существа, благодаря чему мы их воспринимаем. Как при восходе солнца мы благодаря солнечному свету видим внешние предметы, так благодаря собственной изливающейся изнутри силе света мы видим духовные процессы и существа. Теперь наступает время, когда душа находится в этом духовном окружении в той мере, в какой в ней пробуждаются эти творческие силы, освещающие этот мир. И религии, характеризуя жизнь после смерти, совсем не преувеличивают, называя блаженством это осознание себя в творческих силах, это переживание себя в излинии света и вживание в духовное окружение, которое воспринимают благодаря излучению своей творческой силы. В этом мире даже боль переживается как блаженство. Затем жизнь души продолжается.

Теперь речь пойдёт о том, что через эти переживания, о которых сейчас было сказано, душа может пройти только в сменяющих друг друга состояниях. Я касаюсь здесь области, которая для обычных представлений кажется совершенно фантастической, но после подготовительных сообщений, я могу рассказать также и об этих вещах; всё же должно быть ясно, что духоиспытатель говорит лишь о том, что открыл, находясь вне тела. Итак, душа переживает переменные состояния. Человеческая душа не всегда находится в том состоянии, в котором она свою духовную силу света душевно излучает на своё окружение, воспринимая при этом окружающие её человеческие души, духовных существ и духовные процессы. Следовательно, душа не всегда живёт во внешнем духовном мире, но это состояние сменяется другим состоянием, в котором это излучение духовной силы света ощущается душой как бы приглушённо. Душа становится внутренне безразличной, больше не излучает свой свет в окружение, но сосредотачивает всё своё бытие в себе. И теперь наступает тот момент, когда в период между смертью и новым рождением душа живёт совсем уединенно. Это длится долго. Это можно сравнить с обычной жизнью, которая протекает в чередовании сна и бодрствования. После смерти жизнь, изливающаяся во внешний мир, тоже сменяется периодом внутреннего одиночества. Теперь принято всё, что было пережито прежде в состоянии расширения, и душа осознаёт своё полное одиночество. И если в состоянии сна становятся бессознательными, то здесь, уходя в себя, сохраняют сознание. Именно в этот период одиночества сознание души отличается особой ясностью; она осознаёт, что там, вовне, духовный мир, но она наедине с собой, и все её переживания носят исключительно внутренний характер. Эти переживания в себе являются отзвуком пережитого вовне. Лишь благодаря этому может вновь возрасти и излиться из души внутренняя сила света. А затем пробуждаются и переживают другое состояние.

Если только действительно поймут значение слов: в период времени между смертью и новым рождением душа попеременно переживает духовное общение и уединенность, и смена этих состояний общения и уединенности для этой жизни в духовном мире, конечно в течение более долгих периодов времени, чем день и ночь, означает нечто подобное сну и бодрствованию в обычной жизни - это будет одним из потрясающих переживаний. Я указал на эти связи в книге "Порог духовного мира". Но душа в своём дальнейшем бытии между смертью и новым рождением постепенно переживает угасание своей силы света. Переживание внутреннего одиночества постоянно возрастают, вследствие этого человек внутренне начинает переживать весь космос. Поистине, об этих переживаниях можно вполне обоснованно сказать: человека охватывает нечто подобное чувству страха перед самим собой, когда он открывает, что всё находится внизу, как бы в подосновах души, и теперь наступила примерно середина жизни между смертью и новым рождением.

И затем наступает время, которое я пытался описать в моей четвертой драме-мистерии "Пробуждение души". Я пытался описать то время, когда человек может иметь лишь внутренние переживания, когда ночь одиночества становится все длиннее и длиннее, так что человек больше не может пробудиться духовно к сознанию, в котором он излучает вокруг свою силу света. Эти дальнейшие переживания души я пытался охарактеризовать символическим выражением как полночь духовного бытия между смертью и новым рождением. В это время человек, переживая как собственный мир всё, что содержится в глубинах его души, знает, что за её пределами простирается духовный мир, в котором находится

то, чему надлежит быть в духовном мире: воплощённые и развоплощённые человеческие души, а также все другие существа - но знает это только как отзвук, который несёт в себе. И теперь в душе возникает нечто, что опять невозможно описать обычными словами. Не правда ли, в обычной речи слово "желание" обозначает пассивное состояние души. Когда мы в физическом мире испытываем страстное желание, то пребываем в пассивности. Мы желаем того, чем не обладаем, и желание само по себе, безусловно, не может дать того, к чему мы страстно стремимся. Мы можем переживать его только пассивно. Но душевные силы обретают совсем другой характер, когда душа находится вне тела. Из глубины одиночества, из переживаний души в полночный час духовного бытия рождается желание вновь вжиться в мир, которого лишились в своём одиночестве. И желание становится теперь активным, из него возникает духовно действенная, организующая сила. Она становится новой силой восприятия. Это духовное желание рождает новую душевную силу, такую силу, которая может воспринимать внешний мир, но этот мир является как внешним, так и внутренним: внешним, ибо он действительно находится вне нашего существа; внутренним, поскольку мы созерцаем его как мир, пережитый нами в предшествующей жизни, как мир нашего прежнего воплощения. Теперь из нашей души он становится нашим внешним миром. Мы взираем на всё, что в прежней жизни осталось незавершённым, и в нас из желания рождаются силы исправить всё, что душа в прошлой земной жизни сделала плохого, глупого, злого и отвратительного.

В это время каждый человек может оглянуться на свою прежнюю земную жизнь; в это время между смертью и новым рождением перед взором человека - перед духовным взором - возникают все деяния его прежней жизни, и в нём пробуждается стремление - создать в новой земной жизни равновесие, изжить и исправить то, что было пережито в прежней. Я знаю людей, которые считают, что им достаточно и одной жизни; правда, один человек был почти готов найти какой-то смысл в этих повторяющихся земных жизнях, но затем с ближайшей железнодорожной станции написал, что не желает ничего знать об этом. Но дело не о том, что мы можем составить себе об этих повторяющихся земных жизнях какое-то представление, но в том, что каждая душа в том состоянии, о котором идёт речь, может оглянуться на свою прежнюю земную жизнь и принять решение прожить следующую земную жизнь так, чтобы она уравновесила прежнюю. И дальше переживают: есть люди, которые в чём-то провинились или перед которыми кто-то провинился; перед душой это выступает как дополнение собственной земной жизни. Возникает стремление - опять жить вместе с этими людьми, перед которыми провинились, чтобы выровнять эту вину. И в других людях возникает такое же стремление. Благодаря этому в различных людях, которые прежде жили в одно время, зарождаются силы, духовные силы, которые устремлены к земле. Благодаря этому люди, которые прежде были вместе, встречаются в новой земной жизни. Должно быть исправлено то, в чём они провинились. И здесь эти стремления встречаются. А затем жизнь между смертью и новым рождением продолжается дальше, и это стремление всё больше запечатлевается и усиливается. Оно становится живым стремлением. И человек создаёт себе прообраз, духовный прообраз новой земной жизни из переживаний прежней.

Теперь, с течением времени, он сам созидает этот прообраз; здесь, чтобы вступить в новую жизнь, он сам созидает то, что соединяется с материальной субстанцией, которая предоставляется отцом и матерью. И после того, как родственные духовному прообразу унаследованные свойства родителей соединятся в материальной субстанции, духовный прообраз притягивается к материальному перед зачатием. Это можно назвать "избирательным сродством" между унаследованными свойствами и прообразом, оно решает - к какой паре родителей душа чувствует как бы магнетическое притяжение, в какой жизни ей предстоит освоиться. Человек, возвращаясь на землю, вновь соединяется с земным телом. И при духовном исследовании можно видеть то, что в ребёнке - кто наблюдает жизнь детей, найдёт этому подтверждение - вырабатывается таким таинственным образом: как изнутри постепенно возникают выразительные жесты, как движения из неуклюжих становятся ловкими, как из внутреннего существа пластицируется

и созидается телесный облик; во всём этом духоиспытатель созерцает, как переживания, через которые прошли между смертью и новым рождением, постепенно соединяются с телом - всё это созерцает духоиспытатель. Теперь ему ясно, почему об этих переживаниях до рождения не остаётся никаких воспоминаний: силы, которые могли бы стать силами воспоминания, используются для организации тела. Ребёнок мог бы вспомнить всё прежнее, ибо он обладает этими силами, но эти силы преобразованы; как сила давления, которую я развиваю, проводя пальцем по поверхности стола, преобразуется в тепло, так и эти силы воспоминания преобразуются в организующие силы. То, что ребёнка преобразует внутренне, что делает мозг пластичным, чтобы ребёнок мог думать позднее, и что в физическом теле могут развивать силы воспоминания - всё это является преобразованной ретроспективной силой; она, исчезая в той форме, в которой может развить ретроспективный обзор, организует тело изнутри. И то духовное, что организует тело изнутри, является этой преобразованной душевностью, которая вливается в тело. И понимая, что происходит вне тела по ту сторону смерти, мы постигаем жизнь, в которой находимся. То, что действует в человеке в земной жизни, усвоило себе силы между смертью и новым рождением. Силы, проявляющиеся там чисто духовно, есть силы воспоминания, которые, преобразуясь, вливаются в тело и организуют его изнутри.

Естествоиспытателям ещё предстоит узнать о тех силах, которые передаются только по наследству и иссякают в человеке при появлении воспроизводительной способности. Некоторые низшие животные умирают сразу же, как только дадут потомство; то, что человек должен развивать в силах, чтобы иметь физическое потомство и передать ему что-то по наследству, должно завершиться с его половым созреванием; здесь я могу только намекнуть на это. Естествознание и духовная наука вместе могут дать об этом важные разъяснения. Но во всём, что действует в человеке как физические силы, действует духовное. Именно духовные силы, действуя в физическом теле, пронизывают его. Физическое тело является как бы отражением духовного. И по сути дела это отражение вызывает разрушительные процессы. Эти разрушительные процессы имеют место всегда, когда мы видим краски, слышим звуки; даже при образовании представлений в нас возникают разрушительные процессы. Поэтому, чтобы действовали не только эти разрушительные процессы, человеку необходим сон.

Так, пропитывая и укрепляя наше тело силами, которые обрели вне тела, мы живём и понимаем жизнь лишь тогда, когда направляем взор на это действующее в жизни духовно-душевное. Духовная наука не говорит о смерти растений и животных так, как о смерти человека. Сказанное мною сейчас относится только к человеку. Таким образом, взор духовного исследования достигает того, что находится между рождением и смертью. Да, духовное исследование может объяснить даже частности. Я хорошо понимаю тех уважаемых слушателей, которые, имея некоторые представления о результатах духовного исследования, хотели бы услышать об этих частностях; но я могу привести только отдельные примеры.

Сначала пусть будет приведен пример, который даже духовному исследователю, хотя это и звучит парадоксально, может показаться настоящим таинством жизни. Это касается жизни преступных натур. Не правда ли, духовное исследование совсем не разделяет той точки зрения, что преступник заслуживает только сострадания и не должен подвергаться наказанию. Духоиспытателю совсем не вменяется в обязанность вмешиваться во внешние дела мира, но он хочет понять характерные особенности человеческой жизни, и понять их из глубин духовного знания. Как же понять жизнь, которая проявляется в преступлении? Говорить об этих вещах легко, но духоиспытатель должен решиться - не только ответить на эти вопросы, но и сказать о них, ибо нашему времени они кажутся очень парадоксальными. При ясновидческом созерцании преступника выясняется, что преступные натуры являются своего рода духовно преждевременно рожденными. Каждая душа имеет возможность, покинув духовный мир, соединиться с физической субстанцией, что соответствует некоторой норме; но ведущие к этому стремления, пересекаются с другими стремлениями, так что большинство людей - но преступники особенно сильно - воплощаются гораздо

раньше соответствующего срока. Оказывается, что это влечёт за собой странные последствия. Правильно и в полной мере соединиться с телесностью и жить в ней на земле как полноценный человек можно только тогда, когда воплощаются по меньшей мере не так далеко от обычного момента времени. Но если в предыдущей земной жизни были основания для более раннего воплощения, то берут с собой нечто, что живёт в подсознании и совсем не осознается. А именно, в глубинах души живёт нечто подобное легкому отношению к земной жизни, поскольку покинули духовный мир не в тот момент, когда могли бы соединиться с физическим наиболее полно. А так соединяются только поверхностно. Но об этом ничего не знают. Несерьезное отношение к жизни становится внутренней установкой. А возможно, что в своём обычном поверхностном сознании имеют чрезмерно развитый инстинкт самосохранения. Поэтому враждебно относятся к социальному окружению и, развивая сильнейший эгоизм, становятся преступниками, - и всё же в соответствии со своей внутренней природой, которой не осознают, относятся к жизни легко и поверхностно, не придавая ей никакого значения. Это вызвано преждевременным духовным рождением. Если это происходит, то эта душа, воплощаясь, не осознаёт своего легкомысленного отношения к жизни и может развить чрезмерный инстинкт самосохранения, что и видят в душе преступника. Когда я узнал об этом, мне стало понятно и другое. Есть лексикон воровского жаргона. Это внутреннее своеобразие речи преступников, это легкомысленное отношение к жизни, которое проявляется в словах и проистекает из подсознания, становится понятным только тогда, когда известно то, о чём сейчас было сказано. Но не следует забывать, что в чреде земных жизней вновь выравнивается то, что нарушает данное воплощение, так что благодаря тому, что преступник переживёт в другой жизни последствия своих преступных деяний, наступит выравнивание.

Рассматривая при духовном исследовании таинство жизни, мы понимаем и другое. Мы видим, например, людей, ушедших из жизни в результате несчастного случая. Удивительным образом проявляется это у тех, которые ушли в результате несчастного случая в том возрасте, когда обычно ещё не покидают землю, то есть, когда ещё имеется избыток земных физических сил. Когда, например, кто-то в 35-летнем возрасте попадает под локомотив, если конечно он не ищет смерти, то в его теле ещё остаются незадействованные силы. Когда покидают физический мир, эти силы не обращаются в ничто, но как душевно-духовное, как силы интеллигенции более точного мышления могут быть развиты именно благодаря такому несчастному случаю. Поэтому такой человек может родиться вновь с более развитыми силами интеллигенции, чем у того, кто умер естественной смертью. Необходимо свыкнуться с тем, что духовное исследование, рассматривая жизнь с более всеобъемлющей точки зрения, о многом говорит иначе, чем говорят в обычной жизни. Кто умер преждевременно, скажем, в результате болезни, кто многое при этом испытал, тот подготовил свою душу к большему развитию воли. Преждевременная смерть в результате болезни укрепляет силу воли.

Многим, конечно, это покажется чистой фантастикой, но я отдаю себе отчёт в том, что, говоря об этих вещах, несу определённую ответственность. Я не говорил бы о них, не будь мне известны средства духовного исследования, с помощью которых эти факты могут быть познаны с такой же достоверностью, как и факты внешнего мира. Я проявил бы величайшее легкомыслие, если бы говорил об этих вещах, не имея в душе знания, проникнутого тем настроением, на которое было уже указано.

Так жизнь людей становится понятной как раз благодаря тому, что находится вне физической жизни; а так как жизнь между рождением и смертью развивается, то результаты этой жизни находятся по ту сторону рождения и смерти. Многим это может показаться обесцениванием жизни. Чтобы уважаемым слушателям так не казалось, я мог бы в общих чертах нечто повторить. Кто-то скажет: следует иметь в виду, что мы сами подготавливаем то, что переживаем в земной жизни. Это так. Но мы переживаем несчастье потому, что прежде привили нашей душе намерение подвергнуться ему. Как растительность Альп не произрастает на равнинах, но стремится ввысь, так и человеческая душа стремится к таким обстоятельствам, в которых она может испытать несчастье; она соединяется с тем, что переживает

как судьбу. Как для этих растений естественно произрастать в Альпах, так же естественно для человеческой души подвергаться несчастьям, если она осознанно восприняла в себя намерение: только преодолев это несчастье, ты можешь стать совершеннее в том отношении, где ты осталась бы несовершенной, не подвергаясь этому несчастью. Если скажут: нас не может утешить то, что мы сами подготавливаем себе несчастья, которые должны не только переносить и терпеть, но и смотреть на них как на нечто, ниспосланное нам свыше, - то на это следует ответить тем, что я уже раньше объяснял с помощью следующего сравнения. Если кто-то до 18-летнего возраста жил припеваючи за счет своего отца и ничему не научился, а затем его отец обанкротился, то теперь, когда жизнь обошлась с ним сурово, он воспримет это как большое несчастье. И он сейчас имеет право считать свою жизнь несчастной. Но допустим, он, достигнув 50-летнего возраста, смотрит на свою жизнь с другой точки зрения; тогда он скажет: если бы на меня не обрушилось несчастье, я не стал бы таким, каким я сейчас являюсь. Для моего отца это было несчастьем, для меня - импульсом к развитию моей жизни.

Таким же образом и мы не всегда можем найти правильную точку зрения на несчастье тогда, когда оно нас настигает. Перед рождением мы стоим на другой точке зрения, чем после: нам в новой жизни необходимо пережить то, что уравнивает события прошлого. Здесь мы сами готовим себе несчастье, от которого позднее сами же будем страдать и на которое по праву будем жаловаться, ибо будем рассматривать его только с точки зрения этой земной жизни.

Хотелось бы ещё немного сказать о времени, которое протекает между смертью и новым рождением. Я уже говорил о кратком периоде ретроспективного обзора после смерти, который измеряется днями; последующий период длится дольше, он длится десятилетия. Продолжительность этого периода духоиспытатель определяет следующим образом. Он, развивая в себе силы, чтобы таким образом осознать нечто, сначала должен спросить себя: есть ли в твоей душе что-то такое, что ты, переживая себя вне тела, можешь увидеть в ней как нечто, что может быть перенесено тобой через врата смерти? И тогда с удивлением узнают, что из тела берут кое-что с собой, а всё прочее оставляют. Страсти, воспоминания и так далее оставляются духоиспытателем при выходе из тела, но берутся его усилия, берётся с собой то, что может быть усвоено в земной жизни, скажем, после 20-ти лет. С этим едва ли согласятся, поскольку сегодня считаются уже зрелыми те, которым ещё нет и двадцати. Это видно по газетам, где печатаются в основном молодые люди, не достигшие двадцатилетнего возраста. Но в действительности дело обстоит так, что по-настоящему узнают самих себя, узнают так, что это становится накопленной жизненной мудростью, только благодаря тому, что уже имеют некоторый жизненный опыт источника зрения этого более позднего опыта оглядываются на более ранний. Это стремление к внутреннему развитию, это преодоление себя, этот внутренний опыт души уже образуют предварительный зародыш того, что душа переживает затем между смертью и новым рождением. И в постоянном преодолении, в преобразовании сил должна жить душа. Обычно душа в духовном мире между смертью и новым рождением остаётся до тех пор, пока она ещё должна нечто преобразовать. Но рассмотрим и другую сторону: мы живём в определенную эпоху, мы, принадлежа к тому или иному народу, переживаем и усваиваем то или иное. Пройдя через врата смерти, мы образуем из этого наш жизненный опыт. Но Земля меняется. Меняются не только физические соотношения. Пусть уважаемые слушатели представят себе, как во время основания христианства выглядела эта область, где сейчас находится Вена. Но в ещё более короткие периоды времени меняется наша культура, меняется духовное содержание нашего окружения, из которого мы черпаем воспоминания, наши сокровища памяти. Душа обычно возвращается в новую земную жизнь только тогда, когда может вступить в совершенно новое духовное окружение. Оказывается, что душа рождается вновь не просто так, а для того, чтобы пережить новое. Для этого она должна изменить всё, что пережила в предшествующей земной жизни, например, способность выражать себя в определенной речи. Она должна изменить это, должна усвоить способность к другому языку. Следовательно, это время длится столетиями. Это время охватывает обычно период от тысячи до полутора тысяч лет. Но благодаря определенным отношениям, как

мы уже сказали, может наступить преждевременное духовное рождение.

Время торопит; я не могу продолжать рассмотрение отдельных обстоятельств. Тем уважаемым слушателям, которые должны пойти домой с чувством: да, в это действительно нельзя верить, ибо человек об этом должен что-то знать! - я посоветовал бы обратить внимание на то, о чём было сказано вначале. То, что позднее становится само собой разумеющимся, - познания, которые проникают во все души - сначала кажется парадоксальным для земной культуры. Кто сегодня желает возвращать духовную науку, тому следует понять, что умы людей наверняка свыкнутся с тем, что казалось прежде фантастическим, как свыклись с мировоззрением Коперника, хотя сначала многим оно казалось фантастическим и даже вредным. Но я ещё раз должен обратить внимание на тот образ, который ставится перед собой духоиспытателем и теми, кто в состоянии понять духовное знание; он ставится, чтобы укрепить чувство истины, которая постепенно завоевывает себе признание. Она должна пробиться через теснины и завалы предрассудков, она пробьётся. Это чувство крепнет, когда, обращаясь к Джордано Бруно, ставят перед собой следующий образ: он, разрушая столетние предрассудки, обратился к человечеству с такими словами: люди, взирая ввысь в обширные пространства, полагали, что там простирается голубой небосвод, по которому кружатся солнце и планеты, а сам голубой небосвод является твердью, голубой твердью! - Джордано Бруно сказал тогда: эта твердь кажется вам таковой лишь потому, что только до неё простираются возможности вашего восприятия. Вы сами создали себе эти границы, их совсем нет. Пространство безгранично. И это безграничное пространство заполнено бесчисленными мирами.

Сегодня духоиспытатель должен помнить об этом расширении человеческого взора в безграничность пространства; он должен помнить, как Джордано Бруно обратил внимание на то, что пространство сужается до пределов небесного свода лишь ограниченной возможностью человеческого восприятия; он должен указывать на то, что подобная небесная твердь существует и для времени человеческой жизни. Обозревая физическими органами восприятия и рассудком человеческую жизнь от рождения до смерти, видят эти границы, границы рождения и смерти, как когда-то видели границы, которых в действительности не было, в голубом небосводе. Таким же образом ограничение возможности человеческого созерцания устанавливает пределы для времени человеческой жизни между рождением или, скажем, зачатием и смертью. И по ту сторону рождения или зачатия и смерти течёт бесконечность времени, и в русле этой бесконечности протекают в обоих направлениях повторения человеческих земных жизней и тех жизней, которые проходят между смертью и новым рождением. Разумеется, я не могу подробнее остановиться на том, что все повторения имели когда-то начало, что человек был рождён из духовного и обрёл здесь место обитания, - тогда сама Земля возникла из духовного мира - что человек, после того как он пройдёт через земные воплощения, а Земля отпадёт от человеческой души, перейдёт затем к другой, более одухотворенной жизни. На это можно только указать, подробности в моём "Очерке тайноведения".

Если даже познания духовной науки вступают в противоречие с мышлением нашего времени, то следует всё же сказать: в прозрениях величайших умов человечества - таким же образом я завершил предыдущее рассмотрение - находят тем не менее то, что вновь возрождается сегодня в духовной науке.

Люди не обладали тем духовным знанием, которое здесь имеется в виду, ибо оно плод нашего времени и возникло из образования нашей эпохи; но чьи души смогли соединиться с духом мироздания, который струится и ткёт во всех людях, они запечатлели в словах то, с чем безоговорочно может согласиться духовная наука. Духовная наука показывает, что мы понимаем жизнь между рождением и смертью, если видим, как в этом физическом теле и всей физической жизни струится и ткёт то, что бессмертно и может жить также и в духовном мире. Духовная наука показывает, что мы живём в теле лишь благодаря жизни вне тела, так что невозможно понять жизнь между рождением и смертью, не поняв жизни вне этого земного небосвода. Гёте, предвосхищая позднейшие познания духовной науки, выразил это в словах, которые говорят не только о признании им вечной жизни, но и о знании того, что признание истинного значения настоящей жизни,

опыта земного бытия зависит от того, насколько это земное бытие может быть пронизано огнём, светом, кипением вневсего, сверхземного, бессмертного. И пусть этим познаниям духовной науки об истинной сущности смертного, познаваемой через бессмертное, будет подведен итог, как чувством, так и словами, которыми Гёте однажды выразил свои убеждения. Обращаясь к тем, которые, ссылаясь на своеобразие современной жизни, не желают образовать воззрение о другой жизни, я повторю эти слова: "Мне отнюдь не хотелось бы лишиться счастья верить в будущее существование; да, мне хотелось бы согласиться с Лоренцо Медичи: все, кто не надеется на другую жизнь, мертвы также и для этой".

На правах рукописи Из ПСС№ 153 Перевод Веселова П.В.